

Ж. Т. ТОЩЕНКО,

*член-корреспондент РАН, главный редактор журнала
«Социологические исследования», доктор философских наук*

ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Общественное сознание никогда не было равнодушно к оценке как прошлого, так и будущего. Но эти оценки всегда несли на себе печать настоящего. Именно под влиянием настоящего рисуются и осмысливаются картины прошлого, так же как и прогноз будущего не избавлен от симпатий и антипатий реально функционирующего общественного сознания.

Если попытаться классифицировать возможные варианты отношения к прошлому и будущему через призму настоящего, то наиболее часто встречаются такие сочетания: отвергаемое прошлое и одобряемое, приветствуемое будущее; одобряемое прошлое и отвергаемое будущее; в одинаковой степени негативная оценка прошлого и будущего; оптимистическое, хотя нередко и критическое,

отношение к прошлому и будущему. С точки зрения соотношения целей и средств здесь возможна другая классификация. Во-первых, имеется рациональный тип поведения, когда цели и средства в одинаковой степени обоснованы, одобрены, и осуществляются успешные попытки их согласованного использования и претворения в жизнь. Во-вторых, инновационный тип поведения предполагает положительное отношение к целям и отрицание ограничений в выборе средств, применяемых в реальной жизни. В-третьих, ритуальный тип (согласно Р. Мертону) сосредотачивает внимание на средствах достижения цели при отрицательном отношении к ним. В-четвертых, ретритизм как тип поведения означает отрицание и целей и средств, что ведет к уходу от реалий жизни (это особенно наглядно проявляется в поведении алкоголиков, наркоманов и самоубийц). И наконец, возможен такой тип поведения, который знаменует отказ от «старых» целей и средств с одновременной заменой их новыми целями и средствами, что проявляется в мятежах, восстаниях, переворотах, революционных переменах. Возможны различные сочетания этих типов поведения, но по сути названные варианты остаются основными. Все они, за исключением первого типа, рождают в духовной жизни парадоксальные ситуации, оценка которых показывает односторонность, ограниченность, а порой и ущербность каждого из них.

Под девизом «отвергнуть прошлое и построить лучезарное рыночное будущее» выступает сравнительно небольшая, но энергичная и амбициозная, напористая группа интеллектуалов, для которых советское прошлое — провал в российской истории, гибельный зигзаг в развитии страны, нарушение нормального хода социально-экономических процессов. По их мнению, советский период состоит только (или в основном) из ГУЛАГа, насильственной коллективизации, дефицитной экономики, организованного голода, уничтожения православия и ислама, нелепых проектов в народном хозяйстве и т. д. и т. п. Реакцией представителей этой группы на все их не устраивающее является эпатаж, сознательная демонстрация своей «непримиримости», а основным ключом к достижению очередного «светлого» будущего они считают не просто либеральную рыночную экономику, а рыночное общество. Российские ультрарыночники не хотят считаться даже с умеренными коллегами на Западе, как, например, видным политическим деятелем Франции Л. Жоспеном. Он, как и многие его коллеги, отвергает

рыночный фундаментализм, в рамках которого постоянно осуществляется «попытка распространения его регуляторов на сферы, не поддающиеся рыночному воздействию» (Л. И. Абалкин).

Радикализм новых правых в их стремлении разрушить все «до основания» и решить назревшие общественные проблемы путем бескомпромиссного отказа от всего прошлого напоминает большевистские методы.

Те, кто отвергает прошлое, нигилистически к нему относится, в большинстве случаев действуют как холодный расчетливый механицизм, полностью игнорируя социально-психологические позиции людей. Они забывают о том, что знаменитая «протестантская этика» М. Вебера была необходима капитализму не потому, что поощряла обогащение любой ценой (для этого никакой этики не надо), а, напротив, потому, что вводила жажду наживы в определенные рамки, ограничивала ее жесткими моральными нормами» (Б. Кагарлицкий). Иначе говоря, в концепции проклятого прошлого и светлого будущего диктатура идеологии заменяется диктатурой чистогана, когда прав тот, кто имеет больше денег или власти (последняя тоже рассматривается как средство получения богатства). Это дополняется и личностными характеристиками многих, желающих «стереть» все прошлое и нарисовать прекрасное рыночное будущее: это цинизм, оголтелый индивидуализм, двуличность, зависть, выражающиеся в желании подражать американскому или западноевропейскому образу жизни.

В принципе в реальной жизни общества, отдельных социальных групп и общностей одновременно происходит отмирание, исчезновение тех или иных явлений, характерных для уходящей эпохи, и возникновение и укрепление новых тенденций, иных процессов, превращение некоторых латентных явлений в значимые события и преобразования. Однако противопоставление этих тенденций или абсолютизация одной из них ведет к формированию в сознании и поведении людей взаимоисключающих вариантов развития. Общей характеристикой такого отношения к духовной жизни является, с одной стороны, нигилизм по отношению к прошлому, а с другой — неумеренный, «щепящий» восторг по поводу ожидаемого «рыночного будущего», что ведет не к созиданию нового, а к разрушению существующего социального пространства.

Противоречивость, парадоксальность такого подхода к прошлому и будущему приводит к нарушению апробированной истории

логики мышления и развития. Это проявляется прежде всего в том, что его сторонники отказываются от здравого смысла и прагматизма и переходят на позиции абстрактных возможностей, которые якобы сулит предлагаемая ими концепция рыночности. Иначе говоря, рынок из средства, необходимого для решения экономических и социальных задач, превращается в цель, что автоматически делает его инструментом усиления социальной несправедливости и напряженности. Исповедующие этот подход практически игнорируют данные науки или используют их в качестве своеобразного фигового листка — если научная информация соответствует провозглашаемой заранее цели, то это одобряется, приветствуется; в противном случае данные можно просто «не видеть». Заодно можно обвинить ученых в отрыве от жизни, ошибочности исходных методологических принципов или неполноте и ущербности методики; суть претензий в конечном счете сводится к тому, что они мешают манипулированию общественным сознанием и откровенной демагогии.

Сторонники нигилизма де-факто и де-юре отказываются от традиций, не видят в прошлом позитивных моментов (особенно если это касается советского прошлого). Вполне естественно, что такой подход превращается в примитивные формы заискивания перед чужим образом жизни. Этот отказ от корней никогда не проходил бесследно. Наоборот, там, где новые реалии тесно переплетались с национально-специфическими традициями прошлого, успехи были более впечатляющими. Об этом свидетельствует опыт таких различных по политическим ориентациям экономик, как китайская и японская, успех которых во многом обусловлен умелым сочетанием назревающих общественных потребностей со спецификой национальных особенностей и менталитета. «Учет национальных особенностей той или иной страны, — говорил в мае 2000 года в МГУ на заседании Римского клуба член его исполнительного комитета, принц Йордании Аль Хассан бин Талал, — это традиционный подход, и он будет оставаться в инструментарии ученых до тех пор, пока будут существовать различия не только для мира, но и для отдельного человека».

Не менее парадоксально отношение новых правых к методам реализации поставленных целей. Полностью отрицается постепенность, всячески пропагандируется шок (даже не шоковая терапия) как средство осчастливления всех граждан. В этом смысле следует

напомнить слова нобелевского лауреата, немецкого писателя Гюнтера Грасса, который настаивал на том, что «у демократии должен быть темп улитки». Между тем заданный А. Чубайсом темп стремительного «создания собственника» привел к развалу народнохозяйственного организма, гигантским махинациям и воровству, обману и обнищанию большинства населения России. Результаты рыночных реформ в других странах неоднократно показывали, что успехи добываются не кавалерийской атакой, а упорным, длительным, кропотливым трудом, как это было в уже упомянутых Китайской Народной Республике и Японии, где модернизационные процессы осуществляли не торопясь, продуманно и постепенно.

В рамках описываемого подхода происходит профанация таких понятий, как «рынок», «свобода», «народ». У российских либеральных демократов идеи насаждаемого ими рынка ничем не отличаются от эпохи первоначального накопления капитала, когда реализуется свобода использования любых средств по захвату материальных ценностей. Народ же трактуется как средство достижения их корыстных целей, прикрытых очередным обещанием счастья, которого люди «почему-то» опять не понимают и не принимают.

На фоне сложившихся тенденций в общественном сознании, когда позитивная оценка ряда явлений и процессов советского прошлого сохранялась все 1990-е годы, в полной мере расцвел догматизм, отстаивающий «светлое» прошлое и отвергающий будущее. Его влияние широко распространено — не в меньшей мере, чем рассмотренного выше оголтелого нигилизма.

Догматизм, используемый в настоящем, также парадоксален. Но только эта парадоксальность проявляется в иных характеристиках, чем нигилизм, ибо последний отрицает все и вся, в то время как догматизм противостоит новому, нарождающемуся. В сознании догматически мыслящих людей абсолютизируются как позитивные все происходившие ранее изменения. Образно говоря, этот стиль мышления похож на ходьбу «вперед затылком» с головой, повернутой назад, в прошлое. У догматического мышления отсутствует видение перспективы, утеряно чувство нового, нет ощущения необходимости постоянных изменений, потребности в поиске иных, в том числе и нестандартных, решений. Будущее представляется тем же прошлым, только слегка подкорректированным в соответствии с новыми реалиями.

Догматики страдают примитивизмом жизненных ориентаций, упрощенчеством как в объяснении происходящих процессов, так и в своих действиях. Весь мир представляется им черно-белым, не допускающим полутонов, переходных моделей, а соответственно, и компромиссов, уступок, соглашений, договорного процесса. Такое понимание будущего воспринимается либо как возврат к прошлому, либо как продолжение настоящего, которое якобы не отвечает ни логике, ни интересам общественного развития.

В результате этот подход рождает парадоксы, к числу которых можно отнести одновременное существование идей интернационализации интересов и исключительности советского (российского) пути в истории, что, в конечном счете, порождает шовинизм. Такая логика рассуждений и поведения приводит к появлению своеобразного социально-политического кретинизма, ибо совместить процесс глобализации с одновременным возвышением только национальных интересов можно лишь при крайнем примитивизме мышления.

Парадоксальность, рождаемая идеализацией прошлого и отвержением будущего, воплощается и в попытках перенести критерии классового деления, сложившиеся в XIX веке, на новые реалии. Понятия «рабочего класса» и «крестьянства» в настоящее время размыты в первую очередь потому, что профессиональные признаки, как и признаки отношения к собственности, утратили прежнее значение. В этой ситуации «новые бедные» представлены самыми различными группами: интеллигенцией, служащими, значительным слоем пенсионеров, многодетными семьями, инвалидами.

Среди парадоксов этого типа мышления следует отметить преувеличение значимости социальных девиаций, которые трактуются, с одной стороны, как порождение современной стадии капиталистического (империалистического) развития, с другой — как резерв для революционного преобразования мира, как сила, которая противостоит «разрушительным» тенденциям рыночной экономики. Постоянно меняя плюс на минус и наоборот, люди данной формы сознания и поведения жонглируют фактами, личными впечатлениями и мнениями, произвольно выхваченными из жизни суждениями для доказательства только одного — невозможности трактовать будущее реалиями настоящего: лучше, если настоящее будет перечеркнуто, а будущее — основываться только на постулатах прошлого.

Социальная аномия является собой негативизм по отношению не только к настоящему, но и к прошлому и будущему. (Напомним, что аномия обозначает такое нравственно-психологическое состояние общественного и индивидуального сознания, которое характеризуется разложением системы ценностей, противоречием между провозглашенными ценностями и невозможностью их реализации.) Аномия порождает ценностно-нормативный «вакуум»: низкую степень воздействия социальных норм на индивидов, их неэффективность в качестве средства социальной регуляции поведения. Для новых предлагаемых или предписываемых норм характерна расплывчатость, неустойчивость и противоречивость.

Это состояние охватило значительные слои населения, сознание которых было разбуждено ожиданиями позитивных перемен, порожденными перестройкой во второй половине 1980-х годов, а затем подогрето событиями начала 1990-х, когда многим казалось, что новая парадигма развития, предложенная либеральными радикалами, кардинально изменит жизнь. Однако надежды людей в очередной раз не оправдались, что вызвало не просто фрустрацию — дезорганизацию общественного сознания, а именно аномию, то есть полное безразличие к любому общественному импульсу, независимо от его позитивной или негативной направленности. Парадокс данной ситуации заключается именно в том, что в условиях даже некоторых позитивных изменений большинству людей по-прежнему присущ глубокий пессимизм. Многие из тех, кто вроде бы благополучно вписался в рыночную экономику, глубоко неудовлетворены происходящими изменениями, глобальными сдвигами, которые касаются их как граждан страны.

Если у радикал-либералов в этих условиях в чести индивидуализм, а у радикал-патриотов — общинность, коллективизм, то социальной аномии не присуще ни то, ни другое. Людями овладевает растерянность, равнодушие, их поведение характеризуется замкнутостью, переходящей в отрешенность от проблем и забот окружающего мира, либо сужением круга интересов до семейных и групповых. Безразличие к любым политическим и социально-экономическим новациям выражается в отказе от участия в выборах или в голосовании против всех без исключения кандидатов, в отвержении любых общественных акций, членства во всех без исключения политических партиях и общественных движениях.

Данный тип мышления характеризует­ся отказом от «выяснения отношений» с прошлым, демонстрируя тем самым атрофию исторического сознания. Одновременно людям безразлично, что происходит с ними и со страной в настоящее время, ибо они осознают невозможность влиять на происходящее вокруг.

По данным многих социологических исследований, 70 % россиян, то есть абсолютное большинство, отдают предпочтение интересам семьи и близких, которые значительно опережают ориентации как на собственные личные, так и на общественные цели. Это, на наш взгляд, открывает для анализа интересный феномен: отход от общественной направленности интересов вовсе не означает сосредоточение только на личных делах, что свидетельствовало бы о доминировании индивидуализма в общественном сознании. Идет ориентация на интересы малой группы, контактного сообщества, семьи; связи внутри этих групп построены на началах, в которых преобладают идеи доверия, социально-психологической приемлемости, признания достоинств и уверенности в защите друг друга.

Появлению и распространению социальной аномии способствовало разрушение как массовой, так и «высокой» культуры, которая скрепляла жизнь десятков миллионов россиян, что лишней раз доказывает невозможность отделить так называемое официально одобренное от одобряемого неофициально. Хотелось бы этого глашатаям идей рыночной экономики или нет, но феномен «советской культуры» — не выдумка, а реальность, и не-

смотря на отрицание и отвержение этой культуры, она продолжает жить в сознании миллионов людей.

Кстати, аналогичные проблемы ярко проявились и после воссоединения восточных и западных немцев. Как справедливо утверждает Барбара Тальхайм, популярная исполнительница авторской песни в нынешней Германии и бывшая жительница ГДР, «восточные немцы в ФРГ — люди второго класса». В ГДР, как и в России, после свержения социалистического строя будущее рисовалось на основе заманчивых западных картин, показывавших прелести «свободного общества». Разрыв между иллюзиями и наступившей реальностью оказался шокирующим. Из потребности поскорее его сгладить вырастает тяга к сильному государству и даже к «сильной руке», а это питательная среда для националистических, ультрапатриотических и даже шовинистических настроений и проявлений.

В заключение следует подчеркнуть одно особо важное положение, вытекающее из социальной аномии: она может выступать и выступает основой отклоняющегося поведения, которое вызывается невозможностью достижения индивидуальных целей «законным образом». Для преодоления этого противоречия задействуются все средства, которые могут официально и не поддерживаться обществом, но цели, преследуемые ими, приветствуются и одобряются. Именно на этом и зиждется теневая экономика, культ богатства любой ценой, принцип «умения жить», ибо они в конечном счете могут быть оправданы обществом.